

УДК 811.112'36
doi 10.17072/2073-6681-2025-1-74-79
<https://elibrary.ru/vfljss>

EDN VFLJSS

Аналитические формы глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках

Хадзиева Мадинат Магомедовна

аспирант кафедры «Ингушский язык»

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»

Ингушский государственный университет

386001, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас, просп. И.Б. Зязикова, 7. madina1969@inbox.ru

SPIN-код: 5857-2573

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3674-4354>

Статья поступила в редакцию 18.05.2024

Одобрена после рецензирования 21.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Информация для цитирования

Хадзиева М. М. Аналитические формы глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 74–79. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-74-79. EDN VFLJSS

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические формы глагола с перфектным значением в ингушском и немецком языках. Новизна исследования заключается в том, что научных работ по предлагаемой теме практически нет. В грамматике ингушского языка глагольная часть речи изучается в разделе морфологии по аналогии с системой глагола русского языка. К сравнительному анализу глагола ингушского и немецкого языков впервые обратилась Н. М. Барахоева, однако аналитические формы перфекта глагола двух языков в специальных исследованиях не рассматривались. Между тем указанные формы глагола ингушского и немецкого языков обладают общими свойствами, которые помогают более эффективно изучать и преподавать немецкий язык в условиях ингушско-русского билингвизма. В сравниваемых языках широко представлены аналитические формы глагола с темпоральным значением, но в рамках данного исследования рассматриваются глагольные формы, передающие перфектные значения аналитическим путем. Перфект выражает максимально приближенную к моменту речи завершенность действия и обладает особенностью соединять планы прошлого и настоящего, показывая контактность с моментом речи. Аналитический перфект в ингушском и немецком языках передает таксисные отношения в пределах высказывания, указывая на предшествование перфектного действия событиям, выраженным в форме настоящего времени. В обоих языках аналитические формы глагола в перфекте могут выражать семантическое значение результативности действия. Проведенный анализ позволяет установить, что указанные формы ингушского и немецкого языков проявляют такие семы, как прошедшее время, результативность действия, предшествование одного события другому и контактность действия с моментом речи.

Ключевые слова: аналитическая форма; перфект; аорист; ингушский язык; немецкий язык.

Термин «анализм» для описания грамматических явлений был впервые предложен А. Шлегелем, который употребил данное понятие применительно к языкам. «Аналитическими» он считал языки, грамматический строй которых мар-

кируют такие показатели, как артикль перед существительным, сопровождение глагола личным местоимением, наличие у категории спряжения вспомогательных глаголов и др. [Schlegel 1818: 16]. В последующем это понятие стало использо-

ваться и в более узком значении: аналитическими формами стали называться грамматические формы, у которых грамматическое значение определяется внешними показателями, способствующими образованию составных словоформ [Жеребило 2010: 31] из знаменательных лексем и вспомогательных элементов. Аналитизм закрепился преимущественно в обозначении форм различных категорий глагола.

По мнению М. М. Гухман, критериями для установления аналитических форм являются невозможность замены особым образом сцепленных компонентов, идиоматичный характер их взаимосвязи и применимость указанных положений ко всем глагольным лексемам языка [Гухман 1955: 348]. Таким образом, аналитическая форма – это сочетание знаменательной словоформы со вспомогательной лексемой, грамматическое значение которого актуализируется единством составляющих это сочетание элементов.

Аналитический способ преимущественно используется для выражения различных грамматических значений категории времени в системе глагола естественных языков. Однако в каждом языке аналитизм в темпоральной системе проявляется по-своему. Цель данной статьи заключается в выявлении общих и специфических особенностей функционирования в ингушском и немецком языках аналитических форм глагола, выражающих перфектное значение. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике, изучение способов и форм выражения перфектного прошедшего времени глагола в сравниваемых языках, выявление семантических особенностей перфектных значений, реализуемых аналитическим путем.

Новизна предлагаемого исследования заключается в том, что в современной лингвистике, за исключением трудов Н. М. Барахоевой, не представлено теоретических работ, посвященных сравнительному изучению аналитических форм глагольных слов ингушского и немецкого языков; а морфологические признаки ингушского глагола до сих пор определялись и устанавливались, как правило, через призму грамматических свойств соответствующей части речи русского языка. Между тем формы глагола обоих языков, разных по своей типологии и не являющихся генетически родственными, обнаруживают общие свойства, которые позволяют опираться также и на ингушский языковой код для повышения эффективности изучения и преподавания немецкого языка в условиях ингушско-русского билингвизма. Это подтверждается и исследованиями Н. М. Барахоевой, которая для описания категории времени ингушского глагола и ее форм впервые примени-

ла схему и терминологию темпоральной системы глагола европейских языков, в частности немецкого и английского [Барахоева 2011].

В процессе работы использовались сравнительный и описательный методы, метод семантического анализа форм глагола, метод обобщения результатов наблюдения за языковыми явлениями. Материалом для исследования послужили примеры, взятые из классических и современных произведений художественной литературы, а также высказывания, употребляемые в современной разговорной речи.

Проблемой изучения аналитических глагольных форм так или иначе занимаются все лингвисты, исследующие глагол как часть речи, как ключевую системообразующую грамматическую единицу любого языка, определяющую основной смысл высказывания [Duden 2015: 15].

Автор первой грамматики ингушского языка З. К. Мальсагов выделяет сложную форму глагола, по сути, аналитическую, как альтернативу простой, для выражения плана настоящего времени [Мальсагов 1963: 43–58]. Р. И. Долакова в категории времени нахского глагола различает синтетические и аналитические формы, называя первые абсолютными, а вторые – относительными временными формами. По мнению лингвиста, относительные (аналитические) образуются деепричастными словоформами при помощи вспомогательных глаголов *да* (в, й, б), *хила*, *далла* (в, й, б), *ламта* [Долакова 1961: 59–64].

Н. М. Барахоева всю систему нахского глагола представляет как оппозицию синтетических и аналитических форм, основанную на выражении аспектных, залоговых, фазовых, модальных и эвиденциальных значений [Барахоева 2011].

В сравниваемых языках – ингушском и немецком – широко представлены аналитические формы глагола, выражающие также темпоральные значения. В контексте предлагаемой статьи нас интересуют в первую очередь глагольные формы, передающие перфектные значения аналитическим способом.

Перфект, как временная форма, характеризующая максимально приближенную к моменту речи завершенность действия или процесса, занимает особое место в темпоральной системе двух языков. Перфект, как известно, выражая действия прошедшего времени, обладает особенностью соединять в конкретной коммуникативной ситуации планы прошлого и настоящего [Heuse 1840: 227].

Для обозначения форм с перфектной семантикой З. К. Мальсагов применяет термины «прошедшее историческое (гаьнах хиннар)»: *аз дийцад – я рассказал, со лейзав – я поиграл* и «прошедшее предварительное (хьалха доаглар)»: *аз*

дийцадар – я рассказывал, со *лейзавар* – я играл [Мальсагов 1963: 43–58].

Р. И. Долакова номинирует перфект как «недавнопрошедшее» время, выражающее прежде всего законченность действия [Долакова 1961: 54–57].

Х. З. Дулаева, вслед за Т. И. Дешериевой, в родственном ингушскому чеченском языке выделяет две формы с перфектным семантическим значением и именует их «близкое прошедшее»: *ийиши* – только что прочитал – и «близкое прошедшее очевидное»: *йешира* – только что при мне прочитал, а также форму аористического перфекта «абсолютное прошедшее совершенное»: *йешина* – прочитал [Дулаева 2007: 137].

В современной практической грамматике ингушского языка для обозначения семантически близких перфекту форм, выражающих завершенность действия, используются понятия «прошедшее законченное время» («яхаянна ха»): *аьхад* / *вспахал* (когда-то) и «предпрошедшее время» («хьалха яхаянна ха»): *аьхадар* / *вспахал* (давно) [Ахриева и др. 1997: 162].

Й. Хайзе называет форму перфекта в немецком языке «завершенным настоящим» (“die vollendete Gegenwart”) или “Praesens perfektum”, рассматривая эту временную форму исключительно в плане настоящего и подразумевая наличие сем совершенности действия и контактности с моментом речи: *du hast geschrieben* – ты написал, то есть «твой процесс письма на данный момент завершен» [Heuse 1840: 227]. Лингвист относит перфект к разряду абсолютных временных форм, ибо на завершенность действия на момент речи и его контактность с планом настоящего указывает и вспомогательный глагол в личной форме “*ich habe*” / я имею, употребляемый в настоящем времени (Präsens) [ibid.: 229].

Такой же точки зрения придерживается и О. И. Москальская, которая отмечает абсолютное и относительное использование перфекта. В первом случае эта временная форма показывает завершенность действия до момента речи, во втором – предшествование одного действия другому, актуальному на момент речи и выраженному в форме настоящего времени [Moskalskaja 2004: 94–97]. О. И. Москальская, наряду с презенсом и футурумом, включает перфект немецкого языка в группу форм, управляющих поведением слушателя и требующих от него синхронной реакции [ibid.: 82], маркируя перфектное значение признаками настоящего времени и контактности с моментом речи. Поэтому сферой употребления перфекта является преимущественно устная форма языка, тогда как в письменной преобладает претеритум; для сравнения: в художественной прозе 89,8 % всех глагольных форм приходится

на претеритум, тогда как на перфект – всего 0,5 % [ibid.: 89]. Вместе с тем считается, что перфект в значении прошлого и претеритум могут взаимозаменяться. Принципиальное отличие претерита от перфекта состоит в том, что последний обладает двумя дополнительными оттенками значений – результативностью и футуральностью, соответствия которым нет у формы простого прошедшего времени – претеритума [Helbig, Buscha 1996: 151].

В системе категории времени ингушского языка, по мнению Н. М. Барахоевой, можно выделить три формы перфекта – одну синтетическую и две аналитические [Барахоева 2013: 52]. К аналитическим формам глагола ингушского языка с перфектным значением относятся сложные граммемы, которые состоят из причастно-деепричастных форм смыслового глагола и вспомогательного глагола во временной форме перфекта; последний, как и в немецком языке, отчасти теряет свое основное лексическое значение. Принято считать, что из имеющихся в современном ингушском языке пяти вспомогательных глаголов – *да* (в, й, б) / *быть* (есть); *хила* / *быть, становиться*; *далла* (в, й, б) / *находиться, пребывать*; *латта* / *стоять*; *дала* / *становиться* [Барахоева 2011: 25] – в образовании аналитических форм перфекта участвует только *хила* в форме *хиннав* (-й, -д, -б) и *хиннавар* (-яр, -дар, -бар): – *Вала хьаьрваьнна хиннав*, – *аьлар Тийсе Зоврбика*. / – *Нарывался на смерть, потеряв рассудок (умереть, потерявши рассудок, был)*, – *сказал сын Тийси Заурбек*. (Чахкиев 2004: 14); *Цхьан юртара кхыча юрта водаш хиннав цхьа кьонах*. / *Шел один мужик из одного села в другое*. (Дахкильгов 2000: 243); *Цу дийнахьа бераш хьунаг1 даха хиннадар*. / *В тот день дети, оказываются, пошли в лес; Дика вахаиш хиннавар из*. / *Он, оказывается, хорошо жил*.

В немецком языке перфект (Perfekt) представлен одной аналитической формой, образуемой смысловым глаголом в форме причастия страдательного залога (Partizip II) при участии вспомогательных глаголов *haben* (иметь) и *sein* (быть) в личной форме. Считается, что немецкому перфекту по семантике более близка форма синтетического перфекта ингушского глагола, выражающая такие семы, как «прошедшее время; исчерпанность; законченность действия; контактность с моментом речи» [Барахоева 2013: 55]. В ингушском языке синтетический перфект используется также в значении предшествования событию, выраженному в настоящем времени, поскольку перфектное действие имеет для говорящего определенную значимость на момент речи. В этом случае обеспечивается контактность с планом настоящего и реализуются причинно-след-

ственные отношения: *Новкъостий Ёбийшааб, го-враи д\лахийца, Воакхгаг\чо йоах сога*: – «*!а лораел*» / *Друзья легли спать, отпустив лошадей, Старший говорит мне: «Ты покарауль»* (Плиев 2010: 24); – *Цаг\!а сиесар хиннайий цунна?* – *Хиннай. Х\анз а йолаш я, хьо санна Зина яхаш ц\!и а йолаш.* / – *А у него была дома жена? – Была. И сейчас есть, ее зовут, как и тебя, Зина* (Кодзоев 2016: 81).

Такие же значения может выражать перфект и в немецком языке, подтверждая мнение о том, что «темпоральные формы и „объективное время“ не идентичны» [Engel 1996: 494]: *Er hat bemerkt, dass wir keine Russen sind* / *Он заметил, что мы не русские* (Gladysch 2007: 95); «*Bedaure*», *sagte die Schwester, «Professor Jaffé ist ausgegangen»* / «*Сожалею, – сказала сестра, – профессор Жаффэ уже ушел*» (Ремарк 2006: 161).

Аналитический перфект, являясь в устной речи формой для обозначения действий в прошлом, как в немецком, так и в ингушском языке, служит выражению таксисных отношений в пределах высказывания: он указывает на предшествование перфектного действия событиям, происходящим в коммуникативной ситуации на данный момент и выраженным в форме настоящего времени. Иначе говоря, перфект позволяет уподоблять действие, имевшее место в прошлом, действию настоящего момента [Оздоева, Алиева, Дудургова 2018: 144; Engel 1996: 495]. В этом случае реализуется также один из основных признаков перфекта – контактность с моментом речи или соединение планов прошлого и настоящего: *Дала шитта лаьр\!а хиннад из. Укх коара ц\хьаннах\а г\!орг\!а хьо* / *Бог так распорядился. Из этого двора ты сегодня никуда не пойдешь* (Кодзоев 2016: 93); *Als Oberbürgermeister Kürten geendet hat, trete ich hinters Mikrophon und begrüße die Festversammlung* / *Как только закончил мэр Кюртен, я подхожу к микрофону и приветствую праздничное собрание.* (Gladysch 2007: 74).

Аналитический перфект ингушского языка и соответствующая форма немецкого языка одинаково могут выражать семантическое значение результативности действия, однако в немецкой глагольной форме сема результата проявляется более отчетливо благодаря вспомогательным глаголам, показывающим «обладание» (*haben*) предметом, над/с которым совершено действие (при переходных глаголах), и «наличие, присутствие» (*sein*) состояния завершенности процесса (при непереходных глаголах): *Taxan из ц\!ей дез-даь хиннад* / *Сегодня отметили этот праздник.* (неочевидность действия); *Моастаг\!уй т\!ате\!аш хиннад* / *Враги наступали* (Дахкильгов 2000: 231); «*Herr Lohkamp*», *sagte er vorwurfsvoll, «ich habe mir die Sache genau*

durchgerechnet» / «*Господин Локамп, – сказал он с укором, – я точно просчитал это дело.*» (я имею это дело точно просчитанным) (Ремарк 2006: 175); *Die Natur ist schon aufgewacht.* / *Природа уже проснулась (есть проснувшаяся).*

Следует отметить, что в ингушском языке для выражения перфектных значений чаще употребляется синтетическая форма глагола, нежели аналитическая. Вместе с тем и в письменной, и в речевой форме языка можно встретить аналитический перфект в аористическом значении. Как в ингушском, так и в немецком языке аорист или дистантный перфект используется «для передачи относительно самостоятельных актов, которые имели место в прошлом и не являются актуальными в момент речи» [Барахоева 2013: 53–54]. Аористический перфект характеризуется свойством выступать в качестве повествовательной, то есть книжной, формы глагола, выполняя функцию претерита: *Сих\ьенна сига\!а г\!олла йо-даш хиннай к\!айг.* / *В небе торопливо летела ворона.* (Дахкильгов 2000: 234); – *Шоашцара новкъост Туйсе Зоврбик волга ца хови хиннаб-кх уж, цо ше малав д\!а ца аьлча?* – *аьлар начальника.* / – *Они, значит, не знали, что с ними был их товарищ Заурбек, сын Туйси, пока тот не сказал им, кто он? – сказал начальник* (Чахкиев 2004: 6); *Ich habe mich mit meinem Vater erst versöhnt als er 92 Jahre alt war* / *Я помирилась со своим отцом лишь тогда, когда ему было 92 года* (Gladysch 2007: 68); *An den großen Friedensdemonstrationen haben wir immer teilgenommen, das war für uns selbstverständlich* / *В больших мирных демонстрациях мы всегда принимали участие, это было для нас само собой разумеющимся* (Gladysch 2007: 73).

Таким образом, проведенное впервые сравнительное изучение аналитических форм глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках показывает, что, несмотря на различия по способу образования и структуре, эти формы проявляют много общих свойств в выражаемой ими семантике. Так, в ходе исследования выявлено, что в обоих языках аналитические формы перфекта обладают такими семами, как прошедшее время, результативность действия, предшествование одного события другому и контактность действия с моментом речи. Установлено также, что аналитический аористный перфект сравниваемых языков в определенном контексте может использоваться как повествовательная форма прошедшего времени, заменяя форму претерита.

Список источников

Дахкильгов И. А. Мудрые наставления наших предков. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 360 с.

Кодзоев И. А. «Нынче з́ама такая...» (дувцарий, ийлай, нигатий гуллам). Ростов н/Д: Лаки Пак, 2016. 696 с.

Плиев М.-С. Балан ди // Литературни Глалгайче. Назрань: Полиграфический комбинат «ИНГУШЕТИЯ». 2010. № 5-6 (52). С. 24–57.

Ремарк Э. М. Три товарища (на немецком языке). СПб.: КАРО, 2006. 352 с.

Чахкиев К. О. Моакхазла лоамаш // Литературни Глалгайче. Назрань: Полиграфический комбинат «ИНГУШЕТИЯ». 2004. № 2(38). С. 3–16.

Gladysch B., Filter C. Die kleinen Sterne von Grosny. Freiburg, HERDER, 2007. 223 S.

Список литературы

Ахриева Р. И. и др. Хланзара глалгай мотт / Р. И. Ахриева, Ф. Г. Оздоева, Л. Д. Мальсагова, П. Х. Бекова Назрань: Полиграфический комбинат, 1997. 265 с.

Барахоева Н. М. Грамматические формы и категории глагола. Нальчик: Тетраграф, 2011. 312 с.

Барахоева Н. М. Перфект ингушского и немецкого языков // Проблемы исследования и преподавания языков в современных условиях: материалы рег. науч.-практ. конф. Махачкала: АЛЕФ, 2013. С. 51–55.

Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова: На материале истории немецкого языка // Вопросы грамматического строя. М.: Наука, 1955. С. 321–361.

Долакова Р. И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. II, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1961. С. 3–69.

Дулаева З. Х. Видо-временная система чеченского глагола // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 137–142.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. 2-е изд. Грозный: Чечено-ингуш. книж. изд-во, 1963. 161 с.

Оздоева Э. Г., Алиева П. М., Дудургова Э. М. Временные формы глагола в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 142–145. doi 10.30853/filnauki.2018-4-1.33

Grundwissen Grammatik. 2, überarbeitete Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2015. 262 S.

Engel U. Deutsche Grammatik. 3, korrigierte Auflage. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1996. 885 S.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 17. Auflage. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1996. 735 S.

Heyse J. Ch. A. Theoretisch-praktische deutsche Grammatik: oder, Lehrbuch der deutschen Sprache. Hannover, 1840. 442 S.

Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка). М: Академия, 2004. 352 с.

Schlegel A. W. Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris: Librairie grecque-latine-allemande, 1818. 122 s.

References

Akhrieva R. I. et al. *Khlanzara glalglay mott* [Modern Ingush Language]. Nazran, Poligraficheskij kombinat Publ., 1997. 265 p. (In Ingush)

Barakhoeva N. M. *Grammaticheskie formy i kategorii glagola* [Grammatical Forms and Categories of the Verb]. Nalchik, Tetragraf Publ., 2011. 312 p. (In Russ.)

Barakhoeva N. M. Perfekt ingushskogo i nemetskogo yazykov [Perfect of the Ingush and German languages]. *Problemy issledovaniya i prepodavaniya yazykov v sovremennykh usloviyakh* [Problems of Language Research and Teaching in Modern Conditions]: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Makhachkala, ALEF Publ., 2013, pp. 51-55. (In Russ.)

Gukhman M. M. Glagol'nye analiticheskie konstruktii kak osoby tip sochetaniy chastichnogo i polnogo slova: Na materiale istorii nemetskogo yazyka [Verbal analytical constructions as a special type of combinations of a partial and full word: Based on the history of the German language]. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Issues of Grammatical Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1955, pp. 321-361. (In Russ.)

Dolakova R. I. Sistema proshedshikh vremen v chechenskom i ingushskom yazykakh [The system of past tenses in the Chechen and Ingush languages]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury* [News of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature], vol. II, issue 2. Yazykoznanie [Linguistics]. Grozny, 1961, pp. 3-69. (In Russ.)

Dulaeva Z. Kh. Vido-vremennaya sistema chechenskogo glagola [The type-tense system of the Chechen verb]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9], 2007, issue 3, pt. II, pp. 137-142. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (In Russ.)

Mal'sagov Z. K. *Grammatika ingushskogo yazyka* [Grammar of the Ingush Language]. 2nd ed. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 161 p. (In Russ.)

Ozdоева Э. Г., Алиева П. М., Дудургова Э. М. Временные формы глагола в ингушском языке

[Tense forms of the verb in the Ingush language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, issue 4 (82), pt. 1, pp. 142-145. (In Russ.)

Grundwissen Grammatik [Basic Grammar]. 2nd rev. ed. Berlin, Dudenverlag, 2015. 262 p. (In Ger.)

Engel U. *Deutsche Grammatik* [German Grammar]. 3rd rev. ed. Heidelberg, Julius Groos Verlag, 1996. 885 p. (In Ger.)

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* [German Grammar. A Handbook for Teaching Foreigners]. 17th ed. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1996. 735 p. (In Ger.)

Heyse J. Ch. A. *Theoretisch-praktische deutsche Grammatik: oder, Lehrbuch der deutschen Sprache* [Theoretical and Practical German Grammar: or Textbook of the German Language]. Hannover, 1840. 442 p. (In Ger.)

Moskalskaja O. I. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* [Grammar of the Contemporary German Language]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 352 p. (In Ger.)

Schlegel A. W. *Observations sur la langue et la littérature provençales* [Observations on the Provençal Language and Literature]. Paris, Librairie grecque-latine-allemande, 1818. 122 p. (In Fr.)

Analytical Verb Forms in the Perfect Aspect in the Ingush and German Languages

Madinat M. Khadzieva

Postgraduate Student at the Department of Ingush language

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Ingush State University

7, prospekt I. B. Zyazikova, Magas, 386001, Republic of Ingushetia, Russia. madina1969@inbox.ru

SPIN-code: 5857-2573

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3674-4354>

Submitted 18 May 2024

Revised 21 Sep 2024

Accepted 30 Sep 2024

For citation

Khadzieva M. M. Analyticheskie formy glagola so znacheniem perfektnosti v ingushskom i nemetskom yazykakh [Analytical Verb Forms in the Perfect Aspect in the Ingush and German Languages]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 74–79. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-74-79. EDN VFLJSS (In Russ.)

Abstract. The article examines analytical forms of the verb with a perfect meaning in the Ingush and German languages. As of today, there are practically no scientific papers on the proposed topic. In the grammar of the Ingush language, verbs are considered in the morphology section, which is analogous to the verb system of the Russian language. N. M. Barakhoeva was the first to conduct a comparative study of the verb of the Ingush and German languages; however, analytical forms of verbs of the two languages in the perfect aspect have not been considered in special studies. Meanwhile, these verb forms of the Ingush and German languages have common properties, which helps in studying and teaching German more effectively in the context of Ingush-Russian bilingualism. Analytical verb forms with a temporal meaning are widely presented in the compared languages, but within the framework of the present study, the author looks at verbal forms that convey perfect meanings analytically. The perfect expresses completeness of an action, with this action having been completed as close as possible to the moment of speech, and has the feature of connecting the dimensions of the past and the present, thus showing contact with the moment of speech. In the Ingush and German languages, the analytical perfect conveys taxis relations within an utterance, indicating the precedence of the perfect action to events expressed in the form of the present tense. In both languages, the analytical forms of the verb in the perfect form can express the semantic meaning of the effectiveness of an action. The analysis has shown that these forms of the Ingush and German languages exhibit such semes as the past tense, the effectiveness of the action, the precedence of one event to another one, and the contact of the action with the moment of speech.

Key words: analytical form; perfect; aorist; Ingush language; German language.